

0271

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Элли Блейк
ГОСТЬ
НА СВАДЬБЕ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Элли Блейк

Гость на свадьбе

«Центрполиграф»

2011

Блейк Э.

Гость на свадьбе / Э. Блейк — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Ханна очень хочет поехать в родную Тасманию на свадьбу сестры. Но ее босс решил составить ей компанию! Ханне совершенно не улыбается перспектива знакомства неотразимого Брэдли Найта с ее безумной семейкой. Как сохранить профессиональный вид, когда приходится петь под караоке, танцевать под романтическую музыку и пить коктейли?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Элли Блейк

Гость на свадьбе

Глава 1

– Глазам своим не верю! Ведь это вы! Да? Это же вы?

Великолепный образчик мужественности, оказавшись под прицелом аккуратного светло-розового ноготка, выпрямился так резко, точно кол проглотил. Проходим, сновавшим мимо по оживленной Бранвик-стрит, он мог бы показаться совершенно равнодушным. Уравновешенным. Кое-кто мог бы углядеть проницательность, скрывавшуюся за сексуальной полуулыбкой, которая могла бы заморозить дорожное движение. В прямом смысле.

У Ханны подобные заблуждения отсутствовали.

Ханна, которая работала усерднее и проводила в офисе больше времени, чем любой из ее знакомых, теперь могла бы поставить все свои сбережения на то, что, спрятавшись за темными очками, этот красавец отчаянно надеялся, что женщина с указующим перстом приняла его за кого-то другого.

Но ему не повезло.

– Да, это вы! – продолжала женщина, решительно уперев руки в бока. – Я точно знаю! Вы тот самый парень, который снимает шоу «Путешественники». Я видела вас в журналах. И по телевизору. Моя дочка вас просто обожает! Она даже хотела сама пойти на тренировки, чтоб стать такой, как те, кого вы снимаете, – знаете, отправиться в джунгли с одной только зубной щеткой и пачкой шоколадного печенья в кармане. Ее просто невозможно оторвать от экрана! Знаете что? Я дам вам номер ее телефона. Она симпатичная, в своем роде конечно, и сейчас ни с кем не встречается...

Очевидно, Ханна была невидима, словно матерый ниндзя, даром что она сидела рядом с ним за шатким столиком, который играл роль переговорного, когда босс жаждал вырваться из неволи четырех стен. Ханна прикрыла рот рукой, подавляя смех, грозивший вырваться наружу.

В любое другое время ее босс был так же непоколебим и загадочен, как те горы, которые он покорил и потом поощрял других следовать его примеру. Именно поэтому было приятно понаблюдать, как он смущается и неловко мнетя под восхищенным взглядом поклонницы.

Ханна с первого же часа работы на Брэдли Найта поняла, что благоговение фанатов – ахиллесова пята ее босса. Церемонии награждения, похвальные отзывы, восторженные коллег по цеху и ходящие вокруг него на цыпочках начинающие продюсеры – все это его обескураживало и приводило в смущение.

А еще были фанаты. Огромное количество восторженных поклонников, которые знали его в лицо. И нельзя отрицать, что у него очень симпатичное лицо.

На этой мысли смехок Ханны превратился в покашливание.

Она нахмурилась, прочистила горло и поерзала на жестком сиденье. Мысли следует вернуть в нужное русло.

Последнее, что нужно знать боссу, – это то, что в рабочие моменты она иногда предавалась мечтаниям. А еще у нее потели ладони. И заливались румянцем щеки. И появлялись фантазии такой яркости, что она не решалась ими поделиться даже с лучшей подругой, которая добродушно подшучивала иногда над ней и ее близостью к привлекательному начальнику. Очевидно, иногда она попадала в точку.

Гудок машины прервал поток ее мыслей, и Ханна поняла, что все это время она сидела дыша чаще обычного и глядя на шефа влюбленными глазами.

Ханна снова нахмурилась.

Она работала не покладая рук, чтобы получить эту должность, бралась за любую работу, чтобы приобрести нужный опыт, и только потом нашла ту, которая нравилась ей. Которая была создана как будто ради нее. И она не собиралась ею рисковать.

К тому же влюбиться в этого мужчину было бы глупо. Он был как камень. Никогда ее и близко не подпустит. Он вообще ото всех держался отстраненно. Сама Ханна была готова согласиться только на самые романтические отношения.

«Так что даже не думай об этом, детка», – угрюмо приказала себе она.

Девушка взглянула на часы. Почти четыре. Впереди долгие выходные. Можно будет сделать передышку от тяжелой работы и тяжелого в общении босса. Как нельзя кстати.

Ханна снова посмотрела на женщину, которая все еще стояла у шефа над душой. Поза у него была такая напряженная, словно она держала его под дулом пистолета.

Придется вмешаться, пока Брэдли не провернул трюк Гудини и не исчез на глазах у всех.

Женщина заметила присутствие Ханны только после того, как та обняла ее за плечи и мягко, но настойчиво отвела в сторону.

– Вы с ним знакомы? – спросила женщина с придыханием.

Глянув через плечо на Брэдли, Ханна решила немного пошутить. Склонившись к уху поклонницы, она пробормотала:

– Я заглядывала к нему в холодильник. Он совершенно пуст.

Блестящие глаза женщины расширились, и она наконец обратила на Ханну свое безраздельное внимание. Ее взгляд остановился сначала на ее спутанных к концу дня волосах, потом на бесчисленных складках на дизайнерском платье, на слишком больших для тонкого запястья наручных часах, и, наконец, последними инспекции были удостоены кожаные ковбойские сапожки.

Затем женщина заулыбалась.

Ханну неприятно осенило – очевидно, ее только что сравнили с прилипшей к экрану дочерью, и сравнение было не в пользу Ханны. Внутреннее озорство снова улетучилось.

Восемь часов назад она выглядела как образцовая личная помощница самого успешного продюсера Австралии, несмотря на ее прошлое девочки-сорванца. Да, можно вывезти девушку из крошечной Тасмании, но нельзя...

Но вслух она этого не сказала. Пожав плечами, она признала:

– Я персональный помощник мистера Найта.

– А-а, – кивнула женщина.

Очевидно, для нее на вопрос, зачем такой мужчина, как он, проводит время с девушкой вроде нее, был дан ответ.

Сказав еще пару слов на прощанье, Ханна повернула женщину в противоположном направлении и, слегка подтолкнув, помахала ей вслед. Та, словно зомби, поплелась по улице.

Ханна удовлетворенно потерла руки. Еще одна успешно сделанная работа. Когда она повернулась, Брэдли устало тер глаза, подняв солнечные очки на лоб так, что теперь она могла разглядеть почти серебристую радужку его глаз.

Только теперь он начал постепенно расслабляться. Напряжение покинуло его тело, и он буквально сполз под стол.

Нарочитая апатия была только фасадом. Попыткой скрыть те его качества, которые влекли к нему окружающих, словно мотыльков к пламени.

Даже Ханна была подвластна его очарованию, ей не мешало даже сознание того, что она вот-вот станет отдушиной для преследовавшего его в последние дни угрюмого расположения духа.

Вот почему ей была так нужна передышка, и слава богу, что на носу выходные! У нее появится возможность встретить мужчину ее мечты. Он ждал ее где-то. Ханна была в этом уверена. И она не собиралась соглашаться на меньшее. Она отлично знала, как выглядит это самое

«меньшее», на примере ее матери, которая сменила трех мужей после смерти отца Ханны. Ничего хорошего. Такой ее жизнь не будет.

Она заворуженно моргнула, когда лицо шефа предстало перед ее взором во всей красе. Он был просто неотразим. Но каждая женщина, которая надеялась быть «той самой» для Брэдли Найта, напрашивалась на разбитое сердце. Многие пытались. Найдутся те, кто еще будет пытаться. Но никто на свете не поколеблет эту гору.

Ханна заправила непокорную прядь за ухо и нацепила на лицо улыбку. Когда она подошла к столу, Брэдли даже не поднял взгляда. Наверное, он даже не понял, что она отходила.

– Ну разве она не прелесть, эта дама? – пропела Ханна. – Мы обязательно пошлем ее дочери диск с последним сезоном «Путешественников» с твоим автографом.

– Ну почему я? – спросил Брэдли, все еще глядя вдаль.

Она знала – он говорил не о диске.

– Потому что ты родился везунчиком, – отрезала она.

– Ты думаешь, я везучий? – спросил он.

– Ну да. Феи посыпали твою колыбельку волшебной пылью, пока ты спал. Почему еще, по-твоему, у тебя все получается, за что бы ты ни взялся?

Он покосился на нее.

– Так ты считаешь, что тяжелая работа, упорство и изначальное желание любого мужчины доказать свою состоятельность к делу не относятся?

Ханна постучала по подбородку пальцем и возвела глаза к ясному небу. Потом она улыбнулась:

– Не-а.

Его смех прошелся по ее телу теплой волной, вызывая совсем другой диапазон чувств.

– Если ты и правда хочешь узнать, почему ты такой везучий, позвони дочке той дамы. Пригласи ее на ужин. И спроси ее сам. – Она помахала в воздухе обрывком бумаги с нацарапанными на нем адресом и телефоном. – Подумай, какой шум поднимется. «Брэдли Найт встречается с поклонницей. Влюбляется. Переезжает в благополучный пригород. Становится тренером детской бейсбольной команды, в которой играет его отпрыск. Учится жарить ягненка на гриле».

Брэдли сощурился. И стал постепенно выпрямляться – медленно, лениво, но он никого не мог обмануть нарочитой неторопливостью – за каждым движением таилась нешуточная сила.

– Сейчас, – сказал он предостерегающе, – я очень рад, что ты моя помощница, а не пиар-менеджер.

Ханна заложила бумажный огрызок между страницами своего ежедневника в кожаном переплете и сказала:

– Да, я тоже. Не уверена, что смогу профессионально зарабатывать на жизнь, убеждая других в том, какой ты замечательный. Я и так работаю как вол – куда мне еще и это бремя?

Он наморщил лоб и наклонился к ней через стол. Он был такой массивный, что загораживал свет, – гора, а не мужчина.

Пальцы Ханны были так близко от его руки. Она чувствовала, как каждый мускул в ее теле напрягается в предвкушении.

– Какая-то ты странная сегодня.

Его голос был тихим, но она ощущала его вибрацию всем телом.

– Отчего ты так решил?

И тут он снял очки. Дымчато-серные глаза – цвета жидкой ртути – меняли оттенок согласно его настроению. В тот миг они были темны и непроницаемы.

Этот мужчина был заправским трудягой и ни разу не обратился к ней без приказного тона. Но в тот момент он просто смотрел на нее. И ждал. У Ханны даже в горле запершило.

– Готова поспорить, – прозвучал рядом с ними другой голос, – что наша Ханна уже вся в мыслях о выходных, полных распутных развлечений и плотских утех.

Ханна вздрогнула так сильно, что едва не прокусила себе губу.

Ей показалось, на лице Брэдли промелькнуло что-то похожее на разочарование. Потом он опустил глаза на ее покрасневшую губу, которую она старательно облизывала.

Очевидно, ей показалось, потому что он отвел глаза и откинулся на спинку стула.

– Соня, – протянул он. – Как хорошо, что ты пришла.

– Главное, что вовремя, – добавила Ханна. – Брэдли как раз собирался отдать мне твою работу.

Соня даже бровью не повела. Соня не просто была непревзойденным специалистом в области пиара, она еще была и соседкой Ханны по комнате. И только благодаря ей Ханна знала, как пользоваться феном, и имела доступ к нормальной одежде, а не только футболкам и джинсам, которыми был забит ее шкаф.

Соня пристроила фигуристую себя на краешке стула и скрестила ноги в лодыжках, не отводя глаз от своего айфона.

Ханне от нее неподвижности стало не по себе. Она щелкнула ногтем по поверхности телефона подруги, и Соня, заморгав, посмотрела на нее так, словно только что вышла из транса.

– Если вздумаешь запостить в социальные сети хоть что-нибудь по поводу моих будущих выходных, разврата или утех, даже если я буду обозначена «сотрудница „Найт продакшнз“, которая предпочла остаться неизвестной», я закажу бургер со свеклой и уроню его прямо на это вот платье.

Соня воззрилась на шерсть цвета сливок, из которой была сшита вещичка. Ту самую, что Ханна недавно позаимствовала из ее гардероба. Не спеша она опустила телефон в сумочку из крокодиловой кожи.

– Ну почему мне сейчас кажется, что я в Зазеркалье, девушки, а вы – по другую сторону?

Ханна и Соня повернулись к Брэдли, который с недовольным видом продолжил:

– Уверен, мне еще аукнется этот вопрос, но не могу не спросить. Распутство? Утехи?

При слове «распутство» его глаза обратились к Ханне – темные, туманно-серые, непроницаемые, – потом снова вернулись к Соне. Это была всего лишь доля секунды, но у Ханны чуть было дыхание не перехватило.

Как же ей нужен был отдых! Прямо сейчас!

Соня заказала эспresso и охотно объяснила:

– Ты вроде бы умный мужчина, но все, что не включает тебя самого или горы, находится за пределами твоего понимания. На эти выходные Ханна едет домой, на замечательный южный остров Тасмания – играть роль подружки невесты во время свадьбы ее сестры Элизы. Это мероприятие она сама и организовала.

Он опять посмотрел на Ханну:

– В эти выходные?

Ханна удивилась. Она ему на этой неделе раз десять об этом говорила, он, видимо, пропустил все мимо ушей.

Соня права. Брэдли ориентирован только на одно – работу. И все, что ему не на пользу, для него не существовало.

– На выходных я еду в Новую Зеландию, – сказал он.

– Да, знаю. – Ханна взглянула на часы. – А через десять минут у меня заканчивается рабочий день. Соня? Какие планы?

Соня заулыбалась от уха до уха, точно Чеширский кот.

– Я буду сидеть одна-одинешенька в нашей тесной квартирке, стгорая от зависти, пока ты будешь окружена целым ассортиментом...

– Каким еще ассортиментом? – поинтересовалась Ханна.

– Обширным. Приодетых и нарядных, пропитанных лосьоном для бритья самцов, страдающих от переизбытка романтики в воздухе. Они будут бродить вокруг во время свадьбы, точно волки в брачный период. Самое примитивно-первобытное мероприятие, какое только можно встретить в нашем цивилизованном обществе. – С этими словами Соня откинулась на спинку стула, вытерла со лба воображаемую испарину и лихорадочно принялась набирать текст.

Ханна сидела огорошенная. Она настояла на том, чтобы самостоятельно спланировать свадьбу сестры, чувствуя себя виноватой из-за того, что ее нет рядом, и ей даже в голову не пришла мысль об интрижке.

Может, полный постельных утех уик-энд – как раз то, что ей нужно, чтобы расслабиться, снять напряжение и вспомнить о том, что на свете полно мужчин, кроме Брэдли Найта.

– Вверху списка конечно же значатся друзья жениха, – продолжила Соня. – Но они будут даже слишком переспелыми. Слишком легкая победа. Советую присмотреться к гостям из других штатов – больше загадочности и меньше возможности, что твой выбор падет на близкого родственника. Или рыбака.

Ханна фыркнула, отметив про себя, что Соня была невысокого мнения о маленьких городках.

– Ты же предохраняешься, да?

– Соня!

Она зашла слишком далеко. Хотя Соня угадала. Ханна, конечно, не нуждалась в контрацепции в последние месяцы. Рабочий график не оставлял ей слишком много свободного времени, и чаще всего она даже вспомнить не могла, зачем ей вообще эти пилюли.

Но теперь ее ждали четыре дня на прекрасном курорте, посреди чудес зимней природы, в окружении множества одиноких парней. Ханна мечтательно зажмурилась. Интересно, а каковы шансы, что она сможет встретить мужчину своей мечты на острове, с которого сбежала много лет назад?

Открыв глаза, она обнаружила, что у Брэдли на лице застыла недовольная гримаса.

Она засунула остатки деловых бумаг в тяжелую кожаную сумку и твердо заявила:

– Я в офис, надо проверить, готов ли Спенсер занять мое место на выходные.

– Это и есть твоя замена, когда мне надо разведать место для будущих съемок? – недоуменно спросил Брэдли. – Влюбленный стажер?

Она сжала кулаки:

– Спенсер совсем в меня не влюблен. Он просто хочет быть мной, когда вырастет.

Шеф приподнял одну темную бровь:

– Этот мальчишка практически слюнями истекает, когда ты заходишь в комнату.

«Так он замечает?» – недоуменно подумала Ханна.

– Тогда тебе повезло. Когда я уеду, у тебя будет свободный от слюноотделений уик-энд.

– Я этому что, радоваться должен?

Ханна пожала плечами:

– Говорю же – я не разбираюсь в пиаре. Зато хорошо знаю свою работу, раз ты уже без меня тоскуешь. Представлю себе, как ты будешь по мне скучать, и в голову приходит мысль о том, что пора просить о повышении.

Эта фраза была брошена на ходу, но последовавшая пауза была очень напряженной. Его брови сошлись на переносице, а глаза заволокло серой дымкой. Надвигался шторм. Он рассеянно потянулся через стол и стащил с края тарелки Сони маленькое сахарное печенье.

Небрежно меняя тему, он проронил:

– Четыре дня.

– Четыре дня и столько предсвадебных торжеств и мероприятий, что королевской семье и не снилось. – Ханна отлично знала причину. Просто невеста – дочь своей матери. – Свадьба в воскресенье. Во вторник утром я вернусь.

– Вся в засосах, не сомневаюсь, – услужливо подсказала Соня. – Ее мать все же была «мисс Тасмания». Там ее считают отличной племенной кобылой.

Соню спасло только то, что в тот момент она заметила кого-то знакомого, и, помахав на прощание, она исчезла, оставив Брэдли с Ханной наедине.

Брэдли осторожно наблюдал за ней, и – спасибо Соне, которая о правилах приличия даже не слышала, – в ее ушах все еще звучали двусмысленности. Ханна чувствовала себя так, словно ей не хватало кислорода.

– Так ты едешь домой? – спросил Брэдли.

– Завтра утром. Хотя прошлой ночью мне снилось, что «Дух Тасмании» был взят на abordаж пиратами.

– Ты отправляешься на корабле?

Она поерзала на сиденье:

– Я думала, уж кто-кто, а ты должен оценить мою тягу к приключениям.

На щеке Брэдли дернулся мускул. Справедливо замечено. Удобное сиденье на пароме не для него. Пот, боль, испытание воли и мужества – вот это он одобрял. Ханна втихую запаслась таблетками от морской болезни.

Каждый раз, когда Ханна выходила с ним в море, она выбирала место в центре и почти все время не сводила глаз с горизонта. Ей не хотелось показывать свою слабость и испортить имидж идеального сотрудника.

И она не собиралась делиться с ним истинной причиной выбора средства передвижения. Она предпочитала целый день добираться до Тасмании по воде, чем долететь на самолете за час, потому что страшилась возвращения домой. Двенадцать часов пути – чем не подарок судьбы? Она впервые ступит на родную землю за семь лет своего отсутствия. Последний раз был в день бурного празднования пятидесятилетия ее матери. По крайней мере, так ей сказали. На самом деле это был предлог для того, чтобы заманить ее на третью свадьбу матери – ее супругом стал какой-то зануда, разбогатевший на продаже садовых инструментов.

Ханна была застигнута врасплох в самом неприятном смысле. Ее мать не поняла причины. Бедная Элиза, шестнадцатилетняя девушка в ту пору, застряла между молотом и наковальней. Катастрофа полная.

Так что, даже если ей придется двенадцать часов есть только сухое печенье и щипать себя за особую точку между большим и указательным пальцами, – игра стоит свеч.

– Ты когда-нибудь бывал на Тасмании? – спросила она, пытаясь сменить тему.

Брэдли покачал головой:

– Нет.

Ханна встрепенулась, открыв от изумления рот.

– Серьезно? Это же безобразие! До Тасмании рукой подать! Там так красиво. Нетронутая природа – как раз как ты любишь. Сменяющимися друг друга холмами, долинами, плато, вулканами и изрезанной береговой линией остров напоминает то старую Англию, то аргентинские пампасы, то африканскую саванну, то Скалистые горы... Ледники изрезали величественные горы и образовали глубокие озера на центральном плато острова. Острые выступы скал Куинстауна выглядят так, словно были вырваны из земли гигантскими когтями. Пляжи, где ревущие ветра Южного полушария обдувают все пространство береговой линии. А еще там есть гора Крейдл. Там и состоится свадьба. Холодные и крутые склоны просто потрясающие, они расположены у самого красивого и кристально чистого озера. И это только малая часть западного побережья! Весь остров просто волшебный... Столько великолепия, разнообразия и... – Она резко остановилась, опомнившись.

Брэдли смотрел на нее не отводя глаз. Он слушал. На самом деле слушал – так, словно ее мнение что-то для него значило.

Ее сердце забилося сильнее. Опасная мысль. То, что он был недоступен, являлось огромным плюсом безнадежного увлечения. Ей это не стоило ничего, кроме одной-двух бессонных ночей.

Она поднялась и забросила на плечо сумку:

– Ну что ж, я пойду...

Брэдли тоже встал. Сила привычки, но ей все равно было приятно.

Есть множество мужчин, хорошо воспитанных и способных это показать. Тысячи. И существует возможность, что с одним из них она встретится на грандиозной свадьбе сестры. Может, он будет не против поразвлечься. Будет искать романтической связи. Может, даже большего...

Она отступила на два шага назад:

– Надеюсь, Новая Зеландия сведет тебя с ума.

– Удачных выходных, Ханна. Будь пай-девочкой.

Она улыбнулась ему уголком губ:

– Можешь за меня не беспокоиться.

Пока Брэдли устраивался на стуле, Ханна вытащила волосы из-под ремешка сумки, надела огромные солнечные очки в пол-лица, вдохнула свежий зимний воздух и направилась к трамвайной остановке.

Так начались ее первые продолжительные выходные за целый год. Ее первая поездка домой за последние годы. В первый раз с тех пор, как ее мать вышла замуж в третий раз, Ханна увидит ее лицо.

Здравствуй, панический страх.

Глава 2

Звонок в дверь раздался на следующее утро, когда стрелки часов застыли на шести. Ханна была в ванной – смывала остатки сонливости холодной водой. Для такси, которое должно отвезти ее в док, еще рановато – машину она ждала только через час.

– Откроешь? – крикнула она, но из комнаты Сони не донеслось ни звука.

Ханна пригладила ладонями взъерошенные со сна волосы и пошла к двери.

На пороге стоял человек, которого она меньше всего ожидала увидеть. Брэдли был в той самой кожаной куртке, которая Ханне всегда нравилась – шоколадного цвета с шерстяной подкладкой, и в темных джинсах, обтягивавших мускулистые ноги. Он стоял, обворожительно улыбаясь, на пороге ее крошечной квартирки. Зрелище настолько маловероятное, что она потеряла глаза, чтобы проверить, не показалось ли ей.

Но он все еще стоял на прежнем месте, во всем своем великолепии, только теперь оглядывал ее с головы до ног – от старых фланелевых пижамных штанов до чересчур большого для нее отцовского свитера тридцатилетней давности с эмблемой университета Мельбурна.

– Можно мне войти? – спросил он, посмотрев ей в лицо.

Не «доброе утро», не «извини за беспокойство», не «я, вероятно, не вовремя». Сразу к делу.

– Сейчас? – Она оглянулась через плечо, радуясь тому, что самодельная бельевая веревка, на которой Соня обычно вывешивала свое шелковое нижнее белье, оказалась загадочным образом снята.

– У меня к тебе предложение.

– Предложение? В шесть утра? – Ханна пригласила его внутрь жестом.

Он сделала пару шагов вперед, и сразу же квартира показалась Ханне даже меньше, чем прежде. А места и так было маловато. Крохотная кухонька, гостиная, две кровати, одна ванная. Вид из небольших по размеру окон ничем не примечателен. Для двух работающих женщин, которым мало что надо, – как раз.

Она закрыла дверь в квартиру и прислонилась к ней спиной, ожидая окончания его инспекции. Должно быть, по сравнению с его просторными апартаментами ее жилье кажется ему жалким.

Когда он обернулся, она прижала ладони к дереву двери так плотно, что ощутила покалывание.

Но Брэдли перешел сразу к делу:

– Надеюсь, ты уже готова? Вылет через два часа.

Она удивленно моргнула. Разве он забыл? Опять?

Она отошла от двери и уперла руки в бедра.

– Ты что, смеешься?

– Можешь не делать такое лицо. Я не собираюсь перебрасывать тебя через плечо и увозить силой в Новую Зеландию.

Она сглотнула со смешанным чувством разочарования и облегчения.

– Да?

– Переправа будет целый день везти тебя до Лонсестона, я узнавал. Зачем тратить время попусту, если в моем распоряжении самолет, который доставит тебя прямо к дому. Я сам тебе помогу.

– А как же Зеландия? Я целый месяц устраивала твою поездку...

– Мы просто сделаем крюк. А теперь давай собирайся.

– Но...

– Потом меня поблаговаришь.

Поблагодарить его? Он только что сорвал ее блестящий план двенадцатичасовой поездки! Да еще и с таким видом, словно оказывает ей услугу. Если все будет продолжаться в том же духе, Соня обязательно выйдет из своей спальни с заявлением, что станет монахиней.

– Все решено. – Он сделала шаг в ее сторону.

Она выставила перед собой руки, держа его на расстоянии:

– Нет, я ничего не решала.

Он упрям. Но и она тоже. Ее отец был таким добросердечным, особенно по отношению к любимым людям. Ее упертость была чертой, унаследованной от матери.

– Я знаю, как усердно ты работаешь. И ценю это. Пожалуйста, позволь мне тебе помочь.

Брэдли просто хотел сказать «спасибо» – в своем стиле. Вид у него был донельзя раздосадованный.

Ханна подняла руки в воздух, признавая поражение:

– Ладно. Принимаю твое предложение.

Он тяжело выдохнул, огляделся и, решив, что только диван может выдержать его вес, прошел мимо Ханны и сел. Затем взял случайный журнал из кипы на кофейном столике и сделал вид, что ему очень интересна статья «Сто один совет по летней укладке».

– Вылет через сорок пять минут.

Гм, судя по всему, блаженное время выражения признательности прошло. Опять рабочий настрой.

Ханна посмотрела на старые часы, доставшиеся ей от отца: они были ей так велики, что ей приходилось проворачивать их на запястье, чтобы глянуть на циферблат. Сорок пять минут? Она соберется через сорок.

Не сказав ни слова, она развернулась и убежала к себе. На стуле висела подходящая по погодным условиям для Тасмании одежда, которую она выбрала еще вчера. Собрав ее, она быстрым шагом зашла в ванную.

Там ее ждал сюрприз. Перед зеркалом стояла Соня, одетая в зеленое кимоно.

Ханна резко остановилась:

– Соня! Ты меня напугала до полусмерти. Я даже не знала, что ты дома.

Соня улыбнулась своему отражению:

– Я не хотела мешать тебе и начальнику.

Ее улыбка была слишком самодовольной, чтобы разубедить Ханну, которая неожиданно вспомнила про убранный веревку.

– Ты знала, что он придет!

Соня бросила пинцет в раковину и повернулась к подруге:

– Все, что я знаю, – это то, что, когда мы вернулись в офис, он только и делал, что говорил о Тасмании. Все остальное отошло за второй план.

Ханна потеряла дар речи. Соня надула губки.

– Меня он никогда не подвозил до дома, хотя мы с ним работаем в два раза дольше.

– Твои родители живут в пятнадцати минутах езды! – Ханна вытолкала подругу из ванной и захлопнула за ней дверь со всей яростью, на какую была способна.

Время было на исходе, и Ханна, быстро стянув с себя пижаму и сделав небрежный пучок на макушке, забралась под прохладные струи душа. Судорожно вобрав в легкие воздуха, она включила горячую воду и подождала, пока пар не стал обжигающим, и только тогда взяла свое любимое мыло из овсяной муки и схватилась за мочалку.

Полет на самолете, да. В компании операторов, осветителей и сухаря бухгалтера. Хорошо хоть, что по приземлении они разойдутся в разные стороны и она наконец-то сможет вспомнить, каково это – жить нормальной жизнью, без постоянного присутствия в ней Брэдли.

Тихий голосок внутри подсказал ей, что, прими она одно из выгодных предложений о работе, которые сыпались на нее весь прошедший год, она бы давно уже жила без него. Но работать на другую студию уже не казалось ей заманчивым.

Каким-то непонятным образом Ханна из маленького городка превратилась в любительницу приключений. И винить в этом можно только мужчину, быть рядом с которым значило постоянно стоять на границе между колоссальным успехом и полным провалом.

Он сводил ее с ума. Его трудно понять и трудно за ним поспевать, но восторг, который она чувствовала, когда у нее получалось, окупал все.

Вдруг она поняла, что все еще стоит под горячим душем. Ханна проводила скользким брусом по плечам, рукам, животу медленными, размеренными движениями, но все мысли ее были заняты серыми глазами, темными волнистыми волосами и широкой спиной, за которой можно укрыться от всех невзгод...

Жар вспыхнул где-то внутри ее, распространяясь по всему телу, пока ей не пришлось дышать все чаще и чаще, чтобы насытить кислородом разгоряченную кровь.

Умный, красивый и сильный – и так близко! Их разделяла только тонкая перегородка. Она даже не закрыла дверь. Косяк уже так просел, что ей приходилось подкладывать коврик, чтобы плотно закрыть за собой дверь. Такой массивный мужчина, как он, мог бы только ступить на скрипучий пол, и дверь распахнулась бы сама собой.

И что бы случилось, если бы он увидел ее такой – обнаженной, влажной, скользкой? Совершенно одну. С розовой от горячего душа кожей. Возбужденной от одних только мыслей о нем.

Что бы он сделал? Пришло бы ему в голову, что она не просто ходячая записная книжка, но и женщина?

И хорошо, что этого не случится. Ханна даже не знала бы, что делать, если бы оказалась в подобной ситуации. Они прекрасно сработались, но личная жизнь – это совсем другое. Этот мужчина настолько оторвался от реальности, что его можно было отнести к совершенно новому биологическому виду.

«Отличный материал для фантазий для девушки, у которой нет времени на личную жизнь», – подумала она и, завернув кран, потянулась за полотенцем. Но его не оказалось на привычном месте.

Дурная голова, она забыла его в спальне! Ханна тревожно оглядела ванную и увидела только рулон туалетной бумаги и маленькое полотенце для рук, лежавшее в пределах досягаемости. Она в отчаянии откинула голову назад, умудрившись стукнуться о плитку.

Трубы старого, построенного после войны здания противно заскрежетали, когда в ванной Ханны была выключена вода.

Ну наконец-то. Брэдли предупредил, что на подготовку у нее есть сорок пять минут, но проклятая женщина уже вечность нежится под душем.

Он ослабил хватку на обложке журнала – все это время он так крепко его держал, что у него начало покалывать пальцы.

– Кофе? – спросила Соня, выплыв словно ниоткуда.

Брэдли был так уверен, что они наедине, он – в гостиной, Ханна – в ванной, и лишь двенадцать футов расстояния и деревянная дверь между ними, что подпрыгнул от неожиданности.

– Откуда ты, черт возьми, взялась? – прорычал он.

– Оттуда, – сказала Соня, указав себе за спину, и подошла к эспрессо-машине.

Это была единственная вещь в доме, которая выглядела по-настоящему дорогостоящей. Остальной декор состоял из пушистых вылинявших ковров, розовых обоев с цветочками и абажуров с кисточками, таких старых, что всякий раз, как его взгляд натыкался на них, ему

хотелось чихнуть. Ему казалось, что он сидит в борделе из какого-нибудь вестерна, дожидаясь дородной сводницы.

Не так он представлял себе жилище Ханны – если вообще представлял.

Она была трудолюбивой и педантичной, ее запасы стойкости давали фору даже самым выносливым мужчинам. Он не представлял ее такой... заправской любительницей гламура.

– Я делаю себе чашечку, могу и тебе, мне не трудно.

Брэдли моргнул, поняв, что усталился на дверь ванной, за которой скрывалась Ханна, словно мог просверлить ее взглядом. С силой бросив журнал на столик, он повернулся к Соне.

– Кофе? – повторила она, подвесив ярко-розовую кружку для эспresso на кончике пальца, увенчанного алым ноготком.

И тут его озарило: в квартире отражалась сущность одной Сони. Ну конечно. Он смутно вспомнил, что как-то Соня сказала ему, что именно Ханна к ней переехала.

По какой-то причине ему стало легче. Вера в здравомыслие Ханны была оправдана.

– Только быстро, – сказал Брэдли, взглянув на часы. Если Ханна не поторопится, ему придется поменять мнение по поводу здравомыслия.

Подав ему кофе, Соня села рядом:

– Так, значит, ты повезешь нашу девочку в дебри Тасмании?

– Подброшу ее по пути в Новую Зеландию.

– За несколько сот миль до пункта назначения.

– На что ты намекаешь?

– Намекать – не мое дело. Ты мне платишь за веселье и загадочность, – сказала она, ухмыляясь. – А что может быть загадочнее и веселее, чем ваше с Ханной сумасшедшее времяпрепровождение в горах?

– Сумасшедшее? – Брэдли выпрямился на своем розовом стульчике. – Она работает не покладая рук. Это моя ей благодарность. Так что даже не начинай. Ты знаешь, что мне не нравится драматизм.

Соня, очевидно, поняла, что он предельно серьезен; кивнув, она сказала:

– Хорошо, как скажешь, босс, – и прошествовала к себе в спальню, успев добавить: – Но если что-то случится, я должна узнать об этом первой. Я о Новой Зеландии говорю.

И она исчезла за дверями комнаты в вихре зеленого шелка.

Брэдли пересел на свое старое место на диване и одним глотком опустошил чашку. Горячий кофе обжег горло.

Была бы эта девица не так хороша в своей работе...

Брэдли не шутил. Он ненавидел дешевый драматизм всей душой. Он всю жизнь его избегал – скрываясь в отдаленных горах и в девственных джунглях. Он посвятил свою жизнь определенным удовольствиям. Испытаниям воли и духа, позволившим ему познать самого себя.

Как можно дальше от плохо поставленного спектакля, которым было его детство – и до и после того, как его слишком чувствительная мать решила, что ее родительская роль для нее слишком сложна. Она скидывала его на руки то одного, то другого родственника, и каждый из его временных опекунов ожидал от него благодарности за то, что они взяли на себя такое бремя. О чем не уставали повторять каждый день. Но рано или поздно их посещала мысль, что они не такие уж альтруисты, как им казалось. А потом они шептались за притворенными дверями, мол, они не виноваты. Ведь его бросила собственная мать, в конце-то концов...

Внезапно он заметил краем глаза какое-то движение и потер ладонями лицо, стараясь стереть остатки воспоминаний. Внезапно все мысли улетучились у него из головы, когда он понял, что же это было. Ханна. Обнаженная. Быстро проскочившая из ванной в спальню. Обнаженной.

Брэдли медленно повернул голову, чтобы посмотреть на то место, где она только что была. Мозаика складывалась деталь за деталью.

Мокрая женская спина, пара стройных мокрых ног и крошечное полотенце, прикрывавшее, должно быть, мокрые обнаженные ягодицы.

Ханна. И как раз за этой вот дверью, прикрытая тряпочкой размером с почтовую марку.

Непонятно откуда взявшийся жар стал заполнять его изнутри. Жар, который нельзя не узнать.

Он снова отвел глаза и вперился взглядом в розовую лампу, украшенную таким количеством кисточек, что у него в глазах зарябило. И все же это было предпочтительнее, чем предыдущая картинка.

Ханна была трудолюбивой и педантичной... Он остановился, поняв, что повторяется. Из комнаты Ханна донесся громкий стук, после чего последовало приглушенное ругательство и что-то похожее на топот.

Он едва не рассмеялся в голос от нахлынувшего облегчения. Это была та самая Ханна, которую он знал. Трудолюбивая и педантичная и способная вывести его из лабиринта тяжелых мыслей, когда он в этом нуждался.

В этот момент Ханна вышла из комнаты, полностью одетая. Казалось, она обернулась в серое одеяло. Она волокла за собой огромный черный чемодан.

Брэдли поднялся с дивана, как раз когда она привалила чемодан к двери и повернулась к нему, часто дыша и приоткрыв губы. От того, что несла чемодан? Или от пробежки от ванной до спальни без одежды?

Он одернул себя.

– Ты себе сделал кофе? – спросила она, глядя на стол.

– Соня.

– А... А! – Она широко распахнула глаза и посмотрела в сторону комнаты подруги. – Она... Ты...

Он поднял бровь.

Но она просто покачала головой, залившись румянцем. Как раз этого ему не хватало для того, чтоб дополнить образ обнаженной женщины, которая не могла не зажечь огонь в крови мужчины.

«Ты мужчина, а не камень, – сказал он себе. – Не будь к себе слишком строг».

Ханна тем временем подняла руку, призывая его подождать, и направилась к круглому столику за диваном. Там она остановилась, перебирая огромную кучу бумаг и не обращая на него внимания.

Во время движения ее одеяло, которое оказалось чем-то вроде пончо, сместилось, открыв черные джинсы, заправленные в ковбойские сапоги, и полосатый облегающий топ с длинными рукавами. Идеально облегающий плавные формы, которые успешно скрывались под элегантными деловыми костюмами.

Сжав зубы, Брэдли прислонился к дивану и приготовился ждать. Освещенная солнцем, струившимся через оконце за ее спиной, Ханна выглядела такой юной и свежей. У нее на носу были веснушки, которых он прежде не замечал. Ее обычно безукоризненно уложенные волосы были растрепанными и взъерошенными, словно она только что вернулась с пляжа.

Подняв глаза от бумаг, Ханна поймала его взгляд и, улыбнувшись, сказала:

– Две секундочки.

Он прокашлялся:

– Если б я не знал тебя лучше, я бы решил, что ты нарочно откладываешь вылет.

Она покачала головой, и он так и не понял, достигла ли цели его неудачная шутка. Брэдли так мало знал о ней за пределами офиса, что не был уверен.

– Соня ничего не смыслит в уплате счетов, – объяснила Ханна. – А сейчас слишком холодно, чтобы рисковать отключением отопления. Хотя она это заслужила.

Вопрос, вертевшийся у него на языке, был чересчур личным, но он все равно поинтересовался:

– У меня такое чувство, что есть еще одна причина, почему ты медлишь.

Она посмотрела ему в глаза и наконец слегка пожала плечами:

– Не то чтобы я не хотела домой. Я больше всего на свете люблю Тасманию. Я просто не успела подготовиться к тому, что меня ждет, когда я ступлю на порог «Гейтхауса».

– «Гейтхауса»?

– Это отель.

– Жалеешь, что его выбрала? – спросил он, за что получил жалящий взгляд светло-зеленых глаз.

– Думаешь, у меня хватило бы совести устроить свадьбу единственной сестры в какой-нибудь дыре?

– Думаю, это зависит от того, любишь ли ты свою сестру. Давно ты ее не видела?

Она покраснела, но предпочла не реагировать на подколку.

– «Гейтхаус», чтоб ты знал, – сказочное место. Он похож на швейцарское шале в самом сердце леса. До горы Крейдл рукой подать. Сто прекрасных комнат, шесть ресторанов, изумительный ночной клуб, кинотеатр и великолепно оснащенный тренажерный зал. Я уже не говорю о номерах люкс.

Ханна закрыла глаза, и по ее телу прошла дрожь. Брэдли только и мог, что смотреть на нее, охваченный эмоциями, и надеяться, что скоро он сможет убраться из этого невероятного розового будуара прежде, чем у него отомрут последние клетки мозга.

Проклятье. Кто эта женщина и куда подевалась его надежная помощница?

Если бы не большие честные зеленые глаза, он бы стал сомневаться, попал ли он по адресу. Вот и помогай ближнему.

– Ладно, – в конце концов заключила Ханна. – Теперь я могу быть спокойна: Соня доживет до вторника. – Она пробежалась пальцами по волосам, вспушив их еще сильнее. – Я готова.

Брэдли не знал, куда деть руки, поэтому взялся за ручку чемодана. Сделав рывок, он почувствовал, как напряглись мышцы живота.

– Чего ты туда напихала? Кирпичей?

Ханна уперла руку в складки пончо, куда-то поближе к соблазнительному телу под ним.

– Да, – подтвердила она. – Я напихала туда кирпичей, а не, как логичней было бы предположить, одежду, белье и обувь на все выходные. Ты никогда не бывал на свадьбе?

– Никогда.

– Надо же. Не знаю, ты специально не появлялся на них или ты просто самый удачливый человек на земле. Пока ты будешь наслаждаться красотами самого замечательного места на земле – не считая Тасмании конечно же, – я буду менять платья чаще, чем певец в попсовом клипе.

Брэдли прикрыл глаза, чтобы не дать образу, навеянному ее словами, полностью сформироваться в сознании.

– Машина внизу, – прорычал он, переноса чемодан за порог. – Жду тебя через пять минут, или...

«Твое белье на все случаи жизни...» – прошептал предательский голосок у него в голове.

– Твоя одежда улетит без тебя.

– Ладненько. – Она махнула ему рукой и пошла искать Соню, чтобы попрощаться.

Оставляя позади розовую, обитую вельветом мебель, ужасные рюшечки и легкомысленные элементы декора, Брэдли чувствовал себя так, словно с его плеч сбросили груз.

Глава 3

Ханна стояла на выходе из самолета «гольфстрим», с наслаждением вдыхая морозный воздух. Место – Лонсестон, Тасмания.

Время прибытия – утро.

Погода – холод собачий.

Она не была уверена в том, какие чувства испытает, снова ступив на родную землю после стольких лет жизни в мегаполисе.

Она вернулась домой.

Позади нее раздался глубокий мужской голос:

– Что? Не будет даже перетяжки «Добро пожаловать»? А как же оркестр?

– О боже, – испугалась она. – Я иду, иду уже! Можешь лететь, куда тебе нужно. Возвращайся в салон. На улице дико холодно.

– Я большой мальчик. Холод меня не пугает. – Брэдли засунул в рот последнюю горсть орешков и заглянул через ее плечо. – Значит, это и есть Тасмания.

Ханна оглядела аэропорт Лонсестона: одно-единственное невзрачное здание под плоской крышей да припорошенный мокрым снегом асфальт, кое-где уже превратившийся в лужицы.

– Нет, это аэропорт. Тасмания – затерянный мир за его пределами.

– Тогда давай выбираться. У меня не так много времени.

Она покачала головой:

– Конечно, извини. Спасибо за то, что подбросил. Но назад меня везти не надо. Во вторник увидимся.

Помахав ему рукой на прощание, она сбежала со ступенек. Не прошло и минуты, как она обнаружила, что пилот поставил ее чемодан рядом с багажом, подозрительно похожим на поклажу Брэдли.

– А это еще зачем? – спросила она и, повернувшись, увидела позади Брэдли.

Инстинктивно она вцепилась ему в куртку, чтобы не шлепнуться прямо на задницу. Твердые мускулы тут же напряглись под ее руками. И все, что пришло ей в голову, – это «О боже, как хорошо. Он такой теплый. Сильный. Настоящий». Подняв голову, она увидела, что он смотрит на нее не отрываясь.

– Ты вся дрожишь, – процедил Брэдли, будто она чем-то его обидела.

Сжав руки в кулаки, она спрятала их в складках пончо и отступила на шаг, сопротивляясь порыву приблизиться к нему, чтобы еще раз почувствовать тепло и мощь его тела. Опасная мысль.

– Конечно, холодно же.

Его руки потянулись к тому месту, где недавно были ее ладони, и рассеянно потеряли его.

– Да ну? – пробурчал он. – А я и не заметил.

Вообще-то она тоже. Близость к живой печке ее согрела, и она даже не подумала о температуре за бортом самолета.

Ханна отошла еще на шаг.

– Почему Джеймс поставил твой багаж рядом с моим?

– Я провожу исследование.

– Чего? Различий между дорожными покрытиями на Тасмании и Новой Зеландии?

В глазах у него заплясали чертики, и что-то в ней живо отозвалось ответным теплом. Но потом на привычное место вернулись темные очки, и ей уже не удалось угадать его настроение.

– А если точнее, – отрезал он, – просто Тасмании, – и прошел мимо нее.

– погоди! – позвала Ханна. – Я чего-то не понимаю!

– Ты недооценила свои способности пиар-менеджера. Ты мне продала.

– Что я продала?

– Дикую, нетронутую природу. Зубчатые скалы. Зеленые леса. Ревущие водопады. Озера, вода которых столь неподвижна, что трудно отличить их зеркальную гладь от линии горизонта. Знакомые слова?

Еще бы. Одна из ее речей о родном крае.

– Вот я и подумал – почему бы и нет? Команда справится и без меня. А я пока разведую, что есть на этом острове.

Так вот, значит, что он замышлял во время полета. А она даже не заметила, с головой погрузившись в нехитрое развлечение – почитала глянцевого журнальчик, попивая коктейль и слушая музыку на своем айпоне.

Наверное, вид у нее был как у рыбы, выброшенной на сушу, потому что он прибавил:

– Не переживай. Я не собираюсь мешать твоему отдыху. Спенсер взял для меня машину напрокат и продумал маршрут.

Ханна закрыла рот. Она все еще не могла понять, почему ему пришлось в голову остаться. Но больше всего ее раздражало то, что именно сейчас она могла бы проявить свой потенциал будущего продюсера, и не может – она на отдыхе. Спенсер отлично разбирался в интернет-картах, но она выросла здесь, кому, как не ей, знать самые красивые и захватывающие дух местечки?

Да уж, не вовремя Брэдли все это замыслил.

Настойчивый внутренний голос давал о себе знать: «Успокойся и отпусти вожжи. Отдохни хорошенько, а во вторник придешь к нему и скажешь, что возглавить проект должна именно ты».

– Ладно, – уступила она. – Отлично. Ты не пожалеешь.

С этими словами она повернулась и пошла к багажу. И как раз в этот момент услышала пронзительный женский крик:

– Э-э-эй! Ханна! Мы ту-у-у-ут! Ханна!

Все ее чувства сплелись в тугой клубок при звуке этого голоса. Ну почему? Почему сейчас?

Она же послала Элизе сообщение, что сама доберется. Черт!

– Ханна!

Она лихорадочно искала знакомые фигуры среди толпы ожидающих за перегородкой. Темноволосые, светлокожие, увешанные побрякушками, в одинаковых розовых куртках, ее мать и сестра выделялись на фоне продрогшей серой толпы, как фламинго в стае голубей.

Словно и не прошло столько времени, словно у нее и нет прекрасной работы, замечательных друзей и уютной квартиры... Ханна за пять секунд трансформировалась из уважаемой помощницы телевизионного гения в тощую девочку-сорванца, игравшую в мяч на заднем дворе, пока ее мать и сестра ходили по магазинам, салонам красоты и шептались о парнях.

Ее мать прошла через толпу, распахивая других, открыла калитку, чем, вероятно, нарушила с десяток правил безопасности, и направилась к ним. Наверное, стоило бы пойти к ней навстречу, но Ханна была так растеряна, что начала отступать. Но тут вокруг ее талии обви-лась крепкая рука, и теплота этого прикосновения остановила ее отступление лучше всяческих уговоров. Как по-рыцарски: ее замечательно владеющий собой начальник пришел к ней на помощь. Она уже начала привыкать к его галантности. Чего нельзя было сказать о его близости. Ей нужна была каждая крупинка силы, чтобы подготовиться к тому, что вот-вот случится. Она встретится с матерью неподготовленной и даже трезвой. И подвергнет своего шефа, страшащегося любых публичных сцен, величайшему испытанию в его жизни.

Брэдли и ее мать. Только не это.

– Быстро сворачивай налево, в кусты, и дальше по тропинке. Через три минуты увидишь основную магистраль. Давай! – приказала она.

Темные брови сошлись на переносице.

– И зачем мне это?

– Видишь это нечто в розовом, которое идет к нам? Это моя мать. И если не поторопишься, то тебя сметет ураганом.

Слишком поздно.

Глаза Вирджинии впились в Брэдли. Неудивительно – высокий, мускулистый красавец, стоящий в тени собственного самолета, не смог бы не привлечь внимания женщины. Что уж говорить о сногсшибательно красивой женщине в поисках нового мужа.

Элиза, мама в миниатюре, семенила рядом.

Брэдли позади нее набрал полные легкие воздуха и через секунду прервал напряженную тишину вопросом:

– Так что же мне делать, чтобы не оказаться на пути урагана?

И сразу же почва под ее ногами показалась до боли знакомой. «Найт продакшнз» никогда не допускала своих сотрудников к совещанию без предварительной подготовки, и Брэдли всегда получал то, чего хотел.

– Первое – зови ее Вирджиния, – проинструктировала Ханна. – Никакой «миссис». Ей никогда не нравилось, когда о ней думают как о жене или матери. Она считает, это завуалированный способ указать ей на возраст.

Брови удивленного Брэдли почти достигли линии роста волос.

– Кем же она вас считает? Своим фан-клубом?

Ханна рассмеялась неожиданно для самой себя. Она повернулась, чтобы проверить, сошло ли у него с лица встревоженное выражение, и его рука еще крепче сжалась вокруг ее талии.

– Расслабься, – пробормотал он, склоняясь ближе. – Ты так заведена, что начинаешь меня немного пугать. Не впадай в панику. Мамы меня любят.

Она в отчаянии уставилась на него:

– Это еще не беда. Посмотри на себя. Моя мама точно тебя полюбит.

Он ухмыльнулся:

– Думаешь, я такой очаровательный?

– До последней ниточки твоих дизайнерских носков, – невозмутимо ответила Ханна. – К твоему сведению, моя мать любит не только рослых мужчин, владеющих самолетами, но еще и стразы, розовые кардиганы в обтяжку и фруктовые коктейли с маленькими зонтиками.

Едва выговорив эти слова, Ханна тут же о них пожалела. Нельзя сказать, что она и раньше над ним не подшучивала. Но сравнить его со стразами?

Может, виновата удобная одежда. Может, день без укладки феном. Что бы это ни было, у нее не на шутку развязался язык.

Рука Брэдли скользнула еще ниже – к самому бедру, пока его пальцы не коснулись местечка между поясом ее джинсов и футболкой. Еще немного, и она будет полностью в его власти. Ханна была так напряжена, что прямо-таки вибрировала всем телом.

Времени на размышления не было. Вирджиния уже подплыла к ним, поправляя длинные волосы, развевающиеся по ветру, как у модели в рекламе шампуня.

– Ханна! Дорогая моя! – Раскрыв объятия навстречу своей дочери, она тем не менее успела оглядеть Брэдли с головы до ног, точно он был дорогушим омаром на тарелке.

Как только ее руки сомкнулись вокруг плеч Ханны, Брэдли, к большому сожалению, опустил свою.

– Вирджиния, – сказала Ханна. – Так мило, что ты меня встретила, но тебе не стоило утруждаться. Такое событие впереди.

За плечом матери Ханна увидела счастливое лицо Элизы и чуть было не прослезилась сама.

Одними губами она проговорила: «Привет», и Элиза сделала то же самое.

И в тот же самый момент мать сказала ей на ухо:

– Какой милашка.

Даже не шепотом. Ни капли стеснения. Наверное, даже пилот Джеймс, выруливавший на взлетную дорожку, ее услышал.

– Он – мой начальник, – выпалила Ханна. – Оставь его в покое.

Отстранившись, ее мать посмотрела на нее с тайным уважением в глазах. Ну и ну. Такого прежде не случалось. Ханна затаив дыхание ждала еще чего-то... Выражения вины, печали, сожаления...

Но Вирджиния только сморщила нос:

– Джинсы, Ханна? Ты похожа на бродяжку.

«Вот так-то. Моя мать, дамы и господа!» – подумала Ханна.

– Моя работа связана с путешествиями. Вообще-то я облетела почти весь земной шар. И научилась ценить комфорт.

Вирджиния не стала настаивать на своем.

– Кажется, моя дочь не удосужилась нас представить...

– Прошу прощения, – вмешалась Ханна. – Вирджиния, это Брэдли Найт, мой начальник. Брэдли, это Вирджиния Миллар Гиллеспи Мак-Клур. Моя мать.

Улыбка Вирджинии была приторно-сладкой, но в глазах застыл холод.

– Дорогая, ты забыла добавить «Смайс». Хотя Дерек был незапоминающейся личностью, надо сказать.

Брэдли снял темные очки, прикрепил их за вырез футболки и только потом пожал предложенную ему руку с идеальным маникюром. Ханна задержала дыхание. Нашел ураган на камень. Чем все это закончится?

– Приятно познакомиться, Вирджиния, – глубоким, бархатистым баритоном произнес Брэдли. – А это, должно быть, Элиза. Ни у кого другого не может быть таких же прекрасных зеленых глаз, как у Ханны.

Карие глаза Вирджинии удивленно расширились, но ей пришлось отпустить руку Брэдли и отойти, освобождая место для своей младшей дочери. Она не привыкла находиться на втором плане, поэтому несколько растерялась. Ей даже пришлось постоять немного на месте, собираясь с новыми силами.

Ханна прижала ладонь ко рту, чтобы скрыть усмешку. Если бы она не восхищалась шефом прежде, то начала бы прямо с того момента.

Светло-зеленые глаза Элизы – точь-в-точь как у отца – широко распахнулись от такого внимания.

– Такая честь с вами познакомиться, мистер Найт. Я обожаю ваши сериалы. И не только потому, что Ханна над ними работает. Они сами по себе замечательные!

Брэдли рассмеялся:

– Спасибо.

Для парня, который обычно превращался в камень при первых возгласах неприкрытого восхищения, он держался совсем неплохо. Ханна осторожно наблюдала за ним, ожидая, что он вот-вот сорвется с места и убежит. Но его улыбка осталась искренней. Он медленно повернулся к Ханне и подмигнул, давая ей понять, что отлично знает, во что ввязался, и смирился с этим. Единственная причина, почему он мог пойти на это, – желание защитить ее. Он знал, что ее пребывание дома будет коротким и много значит для нее, поэтому и решил помочь.

От такой мысли у нее даже ноги подкосились.

– Ханна не сказала, что привезет с собой мужчину, но конечно же мы вас устроим. Да, Вирджиния? Ханна такая скрытная, почти ничего нам не рассказывает о своей жизни в Мель-

бурне. Она, наверное, уже успела повстречать кучу знаменитостей, а уж со сколькими парнями она там встречалась! Мы можем все узнать от вас!

– Нет-нет, – вмешалась Ханна. – Элиза, Брэдли здесь не для...

– Вы придете на свадьбу, – настаивала Вирджиния, втискиваясь между Ханной и ее шефом. – Отель – шесть звезд. Еда – пальчики оближете! Гора Крейдл – самое прекрасное место на свете, без всяких исключений! Вы не можете просто упустить возможность насладиться видами Тасмании! Это место идеально подходит для одной из ваших передач.

Ханна замотала головой с такой силой, что прядь волос мазнула ее по лицу, и схватила Брэдли за локоть, практически оттаскивая от своих родственников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.